

ИНСТАНЦИЯ: ТАМ, ГДЕ ТЫ СЛЫШЕН

© Ю. Е. Пермяков

Пермяков

Юрий Евгеньевич

кандидат юридических наук,
доцент

Самарская
гуманитарная академия

Проблематика инстанции осмыслена как экзистенциальная потребность личности в авторитетном удостоверении собственной участи. Не ограничивая постановку проблемы исключительно рамками судебной процедуры, автор обосновывает тезис о становлении инстанции в ходе любого философского диалога. Вопрос об инстанции актуален для постижения бытия единичного. Предположение об инстанции содержится в притязании, без чего оно было бы лишено конструктивного начала.

Ключевые слова: инстанция, идентичность, бытие единичного, стратегия коммуникации, судебная процедура, возмездие, судьба, философский диалог.

*Инстанция – происходит от лат. *instantia* («настоящий момент, непосредственная близость»), и далее – от глагола *instare* («стоять, быть поблизости»).*

Из словаря М. Фасмера

Суду ничего от тебя не нужно. Суд принимает тебя, когда ты приходишь, и отпускает, когда ты уходишь.

Ф. Кафка. Процесс

Говорить, но не обо всем, говорить, но не везде и не всем, говорить, но не всё. Выбирать место для встреч, столик в углу у окна, убавлять освещение, начинать с пустяка. Знать, когда тебе доверяют, не входить без приглашения, писать разборчиво, не утомлять внимание лишними деталями. Учиться добиваться своего, но не быть назойливым. Выбирать пра-

Ю. Е. Пермяков

вильную интонацию. Следить за собственными жестами. Не сболтнуть лишнего. Не обидеть. Не оскорбить. Не забыть сказать главное. Избегать слов, которые вызывают неуместные ассоциации. Не оглохнуть от собственного голоса. Не спутать его с чужим. Расслышать его в стуке собственного сердца. И при всем этом не забыть, что после выдоха – вдох. Ты здесь. Жизнь, как стратегия индивидуального бытия, важна тем, что помимо нее нет иного доступа к собственному телу¹. Повиновение тяжести привычно преобразуется в технологию шага, идеологию поступательного движения, метафизическое пространство, топос мысли.

Опора под ногами не только держит, но и удерживает. Она заворачивает мысль и становится если не основным предметом философии, то, во всяком случае, принципом философского мышления: *nihil est sine ratione* (ничто не существует без основания). Мысль всегда витает над чем-то; но, как мираж над кромкой моря, она невесома и делает невесомыми всех, кто отважился приподняться над точкой своего притяжения.

... Есть места, где ты виден и слышен. Наука и хитрости общения здесь не нужны, потому что ты весь как на ладони – виден и слышен. Все, что именуется жизненным опытом, в основной своей массе состоит из умения соизмерять свои мысли, слова и ситуации. И вдруг вся эта нормативная культура, все эти умения, придающие своеобразие характеру отдельного человека, национальной культуре, исторической эпохе, вместе с продуманным и проверенным практицизмом оказываются молчащей грудой камней, на которых высечены золотые правила поведения, а ты сидишь на их сыром мхе, слушаешь собственное дыхание и не знаешь, как распорядиться небывалой свободой.

Только тогда и можно думать о бытии, когда само бытие, порывая с диктатом увиденного, начинает звучать в тебе наподобие гула, возникающего из тишины. Философствование перестает быть принудительным рассуждением об увиденном и становится слышимостью самого бытия, выходом из глубины того пространства, в котором ты справедливо располагался в самом его центре. Из увиденного необходимо составить представление. Представленное – это увиденное, над которым поработала человеческая мысль. Любая увиденная вещь предстает перед нами как уже узнаваемая, т.е. как мысль о ее бытии. Встреча с вещью может быть расценена как встреча с мыслью о ней. Мы выбираем места, чтобы встречаться с мыслями, которые нам важны. В таком случае сам выбор места опрометчиво именовать работой мысли и представлять как какую-то ментальную необходимость. Какое сознание подчиняет себе работу сознания? Если попытка построения этой теории сознания есть теория метасознания, описывающая борьбу с сознанием, то теория инстанции – это обоснование вывода о том, какими правилами руководствуется тот, кому важно точно знать исход этой борьбы².

¹ Важный – от *важить*, т. е. тянуть весом собственного тела. См.: Даль, В. И. Иллюстрированный толковый словарь русского языка. М. : ЭКСМО, 2007. С. 116.

² М.К. Мамардашвили в диалоге с А. М. Пятигорским высказался так: «...То, что нас с необходимостью толкает к построению теории метасознания, есть необхо-

Мысль об инстанции время встречи не назначает, она приходит второй и всегда опаздывает. Дело и обязанность философа – почувствовать ее присутствие, не убояться ее и в меру собственного таланта высказать, облечь в слова. С мыслью об инстанции философ преображается в пророка, а вступая в диалог с властью, неизбежно рискует своим статусом гражданина, поскольку всякая власть полагает инстанцией лишь себя и никого другого.

У этого пренебрежения к мнению толпы или обывателя, над которыми возвышается то власть, то художник, то философ, есть свои причины. Интерес к Другому, лишенный метафизического контекста, в лучшем случае оборачивается любопытством естествоиспытателя, толерантностью просвещенного градоначальника, феноменологической парадигмой широко мыслящего философа. Без освоения проблематики инстанции невозможно понять, какой мерой мерить человеческое бытие, «кто мы такие перед лицом света»³.

Настоящая философия страшна тем, что стремится к досказанности. Ее всегда озвучивают на руинах. Только там и уместна свободная речь, где произнесенная вслух мысль не служит восклицанием и не оборачивается камнепадом. Чтобы нечто сказать о событии, событие должно состояться, иначе само слово оказывается делом, а если так – то нет никакого «в начале...». Если слово было в начале, что-то должно оставаться на потом, без этой инерции история невозможна⁴. Ты не предстанешь перед инстанцией, если не проживешь до конца то, что составляет твою долю и участь.

Слово всегда на границе: в зазоре между мыслью и делом, движением и покоем. Оно произносится о жизни, но тот, кто его произносит, вряд ли уже ей принадлежит. И произнесенное слово оказывается в прошлом, за пределами настоящего. Нужны усилия, чтобы оно не угасло вместе со звуком, сохранило свое присутствие, и когда такое происходит, когда слово преодолевает собственную дискретность, мы наблюдаем преемственность человеческой речи – делящийся монолог или беседу. Мы убеждены, что умолкший собеседник – это именно тот, которому принадлежит только что высказанная им мысль. И с ним, умолкшим, ведем себя так, будто он еще говорит: мы вменяем ему его собственную речь спустя годы, и если он ее не узнает или отказывается от сказанных слов, нужна инстанция, чтобы авторитетно заявить: это сказано тобой. В утверждении «это же ты сказал, это твои слова!» нас посещает особое настроение превосходства,

димность борьбы с сознанием. И задача состоит в том, чтобы, во-первых, определить условия, в которых возникает необходимость борьбы с сознанием (и тем самым заложить основу личного их изменения и преодоления человеком, который уже прагматически заинтересовался сознанием). И, во-вторых, раскрыть эту борьбу с сознанием как являющуюся саму по себе источником познания» (см.: *Пятигорский, А. М. Избранные труды*. М. : Языки русской культуры, 1996. С. 63).

³ См.: *Мамардашвили, М. К. Лекции о Прусте*. М. : Ad Marginem. С. 12.

⁴ Привратник в притче Кафки сообщает поселянину, что тот не переступил ворот, ему предназначенных, эта истина открывается окоченевшему от холода человеку, когда ему уже нельзя помочь и посвящение в истину оказывается словом.

которое трудно объяснить исключительно атмосферой полемики: нашими устами говорит нечто большее, чем мы сами.

Собственную идентичность можно сохранить лишь перед лицом инстанции. Другой на это действие не имеет полномочий, поскольку у него та же проблема: поиск собственной идентичности и домогательство признания. Инстанция возникает заново как невидимый посредник в каждом акте общения, ей адресованы жесты, притязания, вопросы и большая часть аргументации. Без излишней мистификации мы просим своего собеседника расстаться с собственной субъектностью, т. е. стать другим, когда взываем к его рассудку, объективности, беспристрастности и т. д. Форма речи и стратегии коммуникации свидетельствуют о том, что мы заинтересованы, чтобы вот этот собеседник расстался со всем своим и стал иным. Мы берем на себя роль инстанции каждый раз, когда чего-либо хотим и заявляем о своих притязаниях. Мы вписываем чужую речь в контекст, приводим аргументы и обосновываем свою позицию – наше отношение к другому двойственно: зная его мысли, его отношение, мы продолжаем вести с ним диалог так, будто не он только что говорил о своем взгляде на вещи. Мы добиваемся от него перемен, зная, каков он. К кому же обращена наша речь?

Я подозреваю, что любой философский диалог скрывает внутри себя такую модель общения, в которой находится место создаваемой и воспроизводимой усилиями многих действующих лиц инстанции. В научной речи инстанцией может быть цитируемый автор, концепция или взгляд, брошенный с какой-либо точки истории. Даже ссылка на давность или традицию может оказаться тропой к инстанции. Однако философский диалог – дело совсем иное: здесь инстанции как уже установленной и опознанной данности нет. Ее предстоит создать или обнаружить. Проблематика инстанции может показаться неуместной в метафизике, обращенной к бытию универсального. Но она совершенно уместна, когда речь заходит о судьбе единичного. В качестве примера можно привести судебное разбирательство, посвященное решению какого-либо частного вопроса, касающегося участников спора. Прения процессуальных противников имеют смысл постольку, поскольку способствуют становлению суда внутри юридической процедуры: из государственного учреждения суд должен превратиться в инстанцию, полномочную определять судьбу человека. Чиновник, служащий в департаменте юстиции, приобретает качества метафизического субъекта, он восстанавливает мировое равновесие и, будучи посвященным в книгу судеб, заявляет о том, кто чего достоин. Без этого судебное решение не приобретает значение акта возмездия и остается лишь властным распоряжением, подчинение которому оправдано прагматическими соображениями. Если же кто-нибудь из посвященных в детали нашей обычной жизни возразит мне, мол, где вы видели чиновника, которому платят деньги за его способность к превращению в философа-метафизика, я отвечу вопросом: где вы видели правосудие? Судья, полагающий себя инстанцией до и вне судебной процедуры, – это самодур, поскольку именно ему необходимо добиваться в рамках своих процессуальных полномо-

чий права на заключительное суждение о предмете спора. Его профессиональный интерес заключается в том, чтобы стать инстанцией, которой он не является изначально. Это созвучно интересу гражданского общества обрести государственность и правосудие, без которых народ не способен ни к исторической ответственности, ни к историческому действию.

Инстанция – это чистая способность к окончательному и авторитетному решению. Судья ставит в деле точку, поскольку по обсуждаемому вопросу уже никто ничего не добавит. Отмена в порядке обжалования приговора означает лишь одно: инстанция не состоялась, поступь судьбы была удостоверена подписью лица, лишенного полномочий.

Акт состоявшегося правосудия бессмысленно оспаривать. Решение инстанции окончательно, потому что над инстанцией нет инстанции. Всестороннее и объективное исследование обстоятельств дела, полная реализация права на участие в прениях и непредвзятость судьи служат юридическим основанием для вердикта, содержание которого в конечном счете определяется сущностью рассматриваемого дела. Пределы истинного суждения заданы его предметом. Инстанция, как чистая способность к истинному – и потому авторитетному – суждению, *беспредметна*, у нее нет ничего своего, поскольку все сказанное ею продиктовано сущностью того, о чем говорится. Она не может сказать больше того, что содержится в речи тех, кто к ней обращается за последним словом.

За рамками судебного процесса инстанции нет, и внутри процесса она образуется далеко не всегда. Никто не может сказать: решение состоялось, потому что я этого захотел. Инстанция – это не я, не ты и не он, а вход, из которого слышен голос. Можно приблизиться к инстанции, но невозможно стать ею. Можно говорить от имени инстанции, но это дерзновенное восхождение человека на Небо наказуемо во все времена. Достоевский с Толстым посчитали суд делом не человеческим, но чего бы стоило человечество, если бы оно не стремилось к обретению своей истории, т. е. борьбе за приближение к собственному идеалу и овладению способностью отличать добро от зла, должное от постыдного? Государственность и культура возникают в споре человека с дьяволом о собственной участи, причем никто из участников спора не занимает заранее определенных исходных позиций.

В юридической процедуре инстанция имеет предметное воплощение: есть судьи, которые внимают говорящим и сами озвучивают законное решение. В философском диалоге иначе: спор может состояться между участниками, которые разделены историческими эпохами и принадлежат к разным уровням реальности. Природа философского вопрошания не уменьшается в социологическое представление о речевом взаимодействии. Философ ведет спор с оппонентом, которым может быть власть, культура, мир. Его речь – это форма, в которую заключено его обращение к инстанции. Мы нуждаемся в деконструкции текста, чтобы узнать участников диалога и их статус⁵.

⁵ Находясь внутри социальной ситуации, можно вырваться из ее крепких объятий обращением к инстанции, которая всегда вовне. Речь М. Ходорковского, произ-

Философская мысль, озвученная в разговоре с собеседником, в своей основе обращена к инстанции, которая не дана эмпирически. С нею нельзя контактировать. Философия претендует на то, чтобы стать голосом истины, а стало быть, суждением инстанции. И скучен, суетен всякий мыслитель, кто не дает повода для встречи с ней.

Инстанция заявляет о своем присутствии тогда, когда люди – как и вещи – сами свидетельствуют о себе. Чтобы их услышать, нужно хотя бы замолчать самому. В художественной литературе присутствие инстанции угадывается благодаря странностям монолога прозревшего героя. Он либо беседует с самим собой, как Болконский под высоким небом Аустерлицы, либо – как Гамлет или Иван Карамазов – пытается заговорить с ускользающим собеседником – призраком, тенью, чертом, голосом из тумана.

Там, где происходит обнаружение и выдача самого себя на обозрение, собеседники, если они есть в художественном тексте, отступают на задний план, безмолвствуют, в сюжетной линии их роль становится исключительно внешней: чтобы зритель или читатель не подумал, будто герой сошел с ума и тихо заговаривается, теряя онтологическую связь с самим собой. Мелкими штрихами автор намекает нам на его вменяемость. Герой произведения реагирует на вопросы и движения своего собеседника, однако нам понятно, что он пребывает в ином пространственном измерении. Преображается не только человеческая речь, но и округа. Исчезает динамика. Мы видим героя с окаменевшим лицом среди силуэтов неподвижных гор, в тюремной камере или с петлей на шее. Какое-либо иное событие – помимо встречи с инстанцией – невозможно, поэтому детали в этом эпизоде избыточны. Если встреча с инстанцией состоялась, она и есть событие, поскольку обладает главной его характеристикой – переменной статуса, перемещением от одного способа существования к другому. Встреча с инстанцией грозит радикальными переменами, а поскольку в плоскости жизни-смерти их не так уж много, эти перемены суть рождение, смерть и преображение, что в духовном смысле выступает пониманием своего предназначения и мерой собственной состоятельности⁶.

Не менее важна и обратная связь пространства и инстанции: оказавшись в одиночку между небом и землей, человек, удалившийся от сооб-

---

несенная им в свою защиту, была адресована не судьям, но истории, ей он озвучивал свои соображения. В качестве юридического обоснования своей невиновности она наивна и несостоятельна. Манипулирование властью общественным сознанием обычно преследует цель доказать явно не постулируемый тезис: инстанция здесь и располагает достаточными полномочиями. Но полномочиями располагает учреждение а не инстанция. Остается вопрос: к кому обращался Сократ в своей речи на суде? Как философ, он мог мыслить инстанцией только философское сообщество. Философская аргументация в диалоге с властью – это наивность или позиция?

⁶ «Какой я нелепый человек, ...нелепый и никому не нужный», – говорит себе герой романа Грехэма Грина «Сила и слава» – священник, проснувшийся в тюремной камере в день своей казни. «Я ничтожество! Мне 35 лет!» – кричит Платонов, выбегая к реке из усадьбы в фильме Михалкова «Неоконченная пьеса для механического пианино».

щества, озирается и испытывает глубокие религиозные чувства. Александр Мень писал о пространственном бытии аравийских кочевников: «Оторванные от цивилизации, эти люди не видели ничего кроме звездного неба, палящего солнца и неподвижных каменистых холмов. Бескрайние равнины, дикие безводные местности, где исчезали манящие лики соблазнов, где в тишине звучал лишь один голос, были той панорамой, на фоне которой совершалась великая религиозно-историческая мистерия. Из пустынь пришли предки Израиля, в пустыне раздавался голос Моисея, Илии и Иоанна Крестителя, в пустыне готовился к мессианскому подвигу Сын Человеческий»⁷. Вспоминается Ренан с его вопросом: мог ли Христос посетить в XIX веке конторских служащих по месту их работы...

Пустота и неподвижность сопутствуют друг другу. Где пусто, событие невозможно, так как нет того, с кем оно может приключиться. В пустоте если и случается событие, то лишь как ее утрата. Пустота наполняется. Темнота рассеивается. Мы приобретаем зрение, слух. Событие инстанции – это наполнение мира предметами, ибо всякое что сохраняет след мысли и появляется как что-то.

Вопрос о том, где расположена инстанция, таким образом, превращается в вопрос о том, где расположен вопрошающий, чтобы прозреть, услышать ответ или заговорить не своим голосом и не от своего имени. У Кафки в его «Процессе» тюремный капеллан поясняет: «Суду ничего от тебя не нужно. Суд принимает тебя, когда ты приходишь, и отпускает, когда ты уходишь». Безучастность инстанции – это гарантия того, что под ее мантией слово о сущности не произнесет тот, кто зависим от нее сам.

Где же надо оказаться, чтобы задать свой вопрос инстанции? И кем надо быть, чтобы этот ответ прозвучал в твоих собственных устах?

Близость инстанции ощущается по мере удаления от себя самого⁸. Этот путь ведет к отлучению от собственного тела, он завершается встречей с собственным небытием. Самое последнее – это страшный суд, а дальше либо крошечный ад, либо новая жизнь. Но суд не состоится, если во весь голос не заявишь о том, что имеет абсолютную ценность. В ано-

⁷ Протоиерей Александр Мень. История религии. В поисках пути истины и жизни. Том II. Магизм и единобожие. М. : Слово, 1991. С. 124.

⁸ В фильме Никиты Михалкова «Двенадцать» присяжные заседатели проходят через испытание разговором – никто из них не готов стать инстанцией, поскольку у всех уже есть мнение о вине подсудимого, в основе которого лежит жизненный опыт каждого. От своих убеждений никто из присяжных заседателей не намерен отказываться. И даже герой Маковецкого испытывает замешательство при голосовании, с чего и начинается развитие событий, лишь потому, что ему перед голосованием надо поговорить, он не настаивает на невиновности подсудимого. По мере прозрения относительно значения каких-то событий своей жизни, герои теряют себя и расстаются с собой прежними, они подчас неоднократно отказываются от собственных установок и предпочтений. И лишь в итоге удаления от самих себя со свойственным каждому набором житейских предрассудков и политических убеждений, в отгороженном от жизни пространстве образуется решение присяжных – вердикт о невиновности подсудимого.

нимном существовании есть свои преимущества, но нет инстанции. И потому все значимые события происходят в жизни других. Россия не знает правосудия? Может быть, дело не в отсутствии уважения к судебной процедуре, а в том, что анонимность комфортна, никто не домогается возмездия, никто не хочет знать правду по высшему счету, довольствуясь компромиссными соглашениями с властью и теми, кого считают своими противниками⁹.

В обществе, построенном по принципу системы, носители функций в авторитетном удостоверении чего бы то ни было не нуждаются. Мир должен быть таким, каков он есть. Творчество неуместно. Предостережение Х. Ортеги-и-Гассета, сделанное им в работе «Восстание масс» (1930), сегодня не нуждается в основательной аргументации: «Масса – всякий и каждый, кто ни в добре, ни в зле не мерит себя особой мерой, а ощущает таким же, “как и все”, и не только не удручен, но доволен собственной неотличимостью. (...) Особенность нашего времени в том, что заурядные души, не обманываясь насчет собственной заурядности, безбоязненно утверждают свое право на нее и навязывают ее всем и всюду»¹⁰.

Поиски инстанции – одна из особенных тем русской философии, которая вследствие размышлений над этим вопросом приобрела характер религиозной. «Человек ищет правды и ищет именно для того, чтобы ей подчиниться», – писал бывший народоволец Лев Тихомиров в 1905 году¹¹. Поскольку академическая философия в России, подчиняясь европейскому дискурсу, обсуждала онтологические основания нормативности, власти и подчинения, проблематика инстанции (и связанные с ней вопросы судьи, возмездия, справедливости, наказания и прощения) в XX веке оказалась на периферии философской дискуссии. Она еще недостаточно артикулирована. Мысль о правосудном устройстве навеивает скуку на всех, кто хоть однажды посетил в России присутственные места. Но инстанция – это не там, где ты стоишь в одной очереди с такими же ничтожествами, что и сам. Напротив, это место, где ты слышен и различим. В рассуждениях об инстанции индивидуальная свобода приобретает позитивное содержание и конструктивный смысл, которых она была лишена в философском размышлении о всеобщем.

⁹ В 1986 г. режиссер Роман Балаян на встрече в киноклубе «Ракурс» (Куйбышев) со зрителями говорил о том, что в России выходцу из Армении жить трудно, здесь никто не отвечает за свои поступки и никто не требует ответа. Его фильм («Храни меня, мой талисман») был именно об этом. В музее-усадебке друга, приехавшие на Болдинский праздник, после разговоров о пушкинской поэзии и давнишних представлений о чести участвуют в нелепой дуэли из-за любимой женщины. Иной инстанции – кроме слепого случая – у них нет.

¹⁰ Ортега-и-Гассет, Хосе. Восстание масс // Эстетика. Философия культуры / Хосе Ортега-и-Гассет. М., 1991. С. 310, 311.

¹¹ Тихомиров, Л. А. Монархическая государственность. М. : Алир, 1998. С. 33.